

**ТРАГЕДИЯ
МАРТИНИКИ**

ТРАГЕДИЯ МАРТИНИКИ

«Есть вещи, о коих недостаточно говорить и писать: надо бы проповедовать о них на кровлях, взывать на улицах и перекрестках, потому что, по слову Христову, если мы умолчим, то *камни возопиют* (Лк. 19, 40), бездушная природа не в силах будет молчать», – так пишет архиепископ Никон (Рождественский) в своих Дневниках за 1911 год (№ 51).

«Мы привыкли мерить все сущее в мире своею мерою, – продолжает Владыка, – мерою своего маленького ума, и забываем, что для Всесовершенного Ума Божия существуют иные меры, на наши непохожие.

Так, мы делим природу на одушевленную и неодушевленную и полагаем, что неодушевленная природа не способна действовать разумно, по воле Божией, повиноваться сознательно, что она повинуется только раз навсегда данным ей от Творца физическим и химическим законам, повинуется с необходимостью, сама о том не ведая, не сознавая. Но, думая так, мы забываем Божие Всемогушество, Божию Премудрость и Благодать, мы как бы ограничиваем сии совершенства Божий в своем сознании, мы выпускаем из виду, что вся неразумная тварь создана для того, чтобы разумные существа чрез нее прославляли сии совершенства Божии.

Небеса поведуют славу Божию, творение же руку Его возвещает твердь (Пс. 18, 2). И это – не только через наше созерцание тварей Божиих, Божией Премудрости в их устройстве, но и в непосредственном выполнении ими воли Творца. Для Него – Всемогущего, все возможно: и природа бездушная повинуется Ему, столь же «разумно» исполняя Его повеления, как и разумные существа. *Той рече, и быша: той повеле, и создашася* (Пс. 32, 9; 148, 5). И ныне Он повелит – и природа исполняет Его веления, и мы, волею или неволею, являемся свидетелями, а иногда и участниками таких явлений в природе, в коих не можем не признать, если только не ожесточились, не ослепли духовно, не умертвили в себе совесть, не можем не видеть всемогущую Руку Божию, властно повелевающую природе. Да, природа так же повинуется Творцу, как и разумные твари, и, действуя неразумно, дает урок послушания самому венцу творения – человеку!

Мы переживаем грозные времена. Человек, разумное создание Божие, безумствует, бунтует против своего Творца, и неразумная природа, мановением Божиим, вразумляет безумца. Вспомните всемирный потоп, вспомните гибель Содома и Гоморры, Помпеи в Италии. Но для верующего христианина еще более поразительны те знамения, что совершались в час смерти Господа нашего на Кресте. Читайте в Евангелии от Матфея: *И се, завеса церковная раздрася на двое с верхняго края до нижняго: и земля потрясется, и камене распадется: и гроби отверзошася...* (Мф. 27, 21–22).

Если бы современные христиане не забросили тех поучительных книг, что называются Житиями святых, книг, в коих начертаны дивные обра-

зы сынов Царствия Божия, если бы русские люди почаще заглядывали в страницы родной истории, в наши бесценные летописи, то увидели бы, как дивная десница Божия руководила судьбами народов, вразумляя их грозными знамениями в неодушевленной природе. Разоряли люди закон Божий, и действовал Бог, вразумляя разорителей, и по мановению Его сама природа вступалась за нарушенный нравственный закон. Для верующего нет сомнений в том, что законы естественные действуют в союзе и полном согласии с законами нравственными.

И вот сие самое мы видим и со страхом наблюдаем в наши дни. Со страхом: ибо совесть наша свидетельствует, что грядет и наша чреда понести гнев Божий на себе за нераскаянность нашу. И у нас на Руси свили себе гнездо непримиримые враги Христа, враги Церкви, враги нашего отечества – масоны, и вот разоряется всюду закон Божий, слышатся повсюду глумления, издевательства над заветными святынями нашего русского православного сердца, оскорбление сих святынь... А грозы Божии ходят по вселенной и все ближе и ближе подходят к нам...» – поучает нас архиепископ Никон в своих проповедях.

В 1902 году произошла страшная гибель острова Мартиники. Непроницаемой тайной покрыты и доселе все обстоятельства этой гибели.

Об этом позаботились те, кому это было нужно, чтоб оглашение сих обстоятельств не пробудило совести христианской, не заставило задуматься верующие умы, – ведь молчат все главные телеграфные агентства, главные газеты всех стран, всех народов, и мы узнаем лишь то, что найдут для себя полезным

или, по крайней мере, безопасным наши же враги. А между тем, вот что узнаем мы частным путем, уже несколько лет спустя после потрясающего события, оповещенного по всему миру на другой же день.

«Дивный клочок земли, – писала в 1902 г. газета «Колокол», райский уголок, не отравленный обычными бичами юга – змеями, скорпионами и прочей ядовитой тварью, остров Мартиника давно уже перешел всецело в руки учеников фарисеев и лжепророка Акибы, подобно Алжиру, столь же прекрасному. В городе Сен-Пьере, стертом с лица земли разгневанным Господом, фарисеи и саддукеи торжествовали. Там уже шла постройка нового “храма Соломонова”. Мне пришлось встретиться с немкой, говорит автор, прожившей 15 лет на Мартинике и покинувшей Сен-Пьер за два дня до катастрофы. Ее спас вещей сон, который, конечно, назовут неверующие случаем, хотя подобные сонные видения побудили несколько тысяч человек спешно покинуть Сен-Пьер, оставляя свои дела и имущество. Бежали люди всех классов и состояний, от богатых землевладельцев до бедных рабочих. Не все бежавшие были верующими христианами. Все они знали, уезжая, что больше не увидят Сен-Пьера, что столица фарисеев, в которой открыто существовало капище сатаны, где люциферианство, или сатанизм, признавалось в качестве разрешенной религии, – осуждена на погибель. Всех уезжающих гнало вон нестерпимое чувство тоски и ужаса, многих же устрашали видения, одинаковость которых была прямо поразительна. Должно обратить особенное внимание на то, что вся европейская печать упорно молчала» («Колокол» № 1417).

Остров Мартиника принадлежит к числу самых крупных в Архипелаге Малых Антильских островов Карибского моря в Вест-Индии. Холмистая равнина делит остров на две части – равнинную южную и северную, занятую старыми вулканами, среди которых выделяется действующий вулкан Мон-Пеле. Западное побережье омывается водами Карибского моря, восточное – Атлантического океана. Общая площадь 1128 тыс. кв. км – чуть больше площади Москвы.

Многие века остров населяли карибские индейцы. Они называли свой остров Матинино или Мадина, – отсюда и произошло современное название Мартиника. В 1502 году на острове высадился Колумб. В 1635 году остров был захвачен французами, а официально объявлен территорией Франции в 1674 году. После этого между Британией и Францией началась борьба за Мартинику, которая продолжалась еще 41 год до 1815 года и закончилась безоговорочной победой французов.

Климат Мартиники – тропический пассатный. Среднегодовая температура $+26^{\circ}\text{C}$ (может подняться до 32°C , но никогда не опускается ниже $+20^{\circ}\text{C}$). На Атлантическом побережье температура воды достигает $20\text{--}24^{\circ}\text{C}$. На Карибском побережье климат более влажный, температура морской воды в течение года $+25^{\circ}\text{C}$.

На этом дивном клочке земли более 100 лет назад, в 1902 году, разыгралась жуткая трагедия. Проснувшийся вдруг вулкан Мон-Пеле полностью уничтожил город святого Петра – Сен-Пьер. По словам современников, это был самый необычный и красивый город среди городов Вест-Индии. Он был полностью построен из камня. Никто не мог пред-

ставить, что за считанные минуты каменный город будет стерт с лица земли.

Что же явилось причиной гнева Божия?

Как выяснилось, Сен-Пьер был крупным масонским и сатанинским центром. Масоны там торжествовали и даже строили новый «храм Соломонов».

Город Сен-Пьер располагался в северной части острова, на берегу моря, в 8 километрах от вулкана Пеле, возвышавшегося над Мартиникой на высоту 1397 метров. Вулкан, который чаще называли Мон-Пеле (Лысая гора), имел два кратера, заполненные водой. Внешне они представляли собой два озера. Гребень, окружавший удаленный кратер, имел выемку по направлению к городу.

От Пеле никто ничего не ждал. Последнее извержение состоялось в 1851 году, когда вулкан, спокойно спавший многие века, неожиданно пробудился. Начался жгучий дождь особенного пепла, порывы ветра медленно доносили этот пепел до предместий Сен-Пьера. Раздался грозный подземный гул, и тихо, но неудержимо поползла широкая огненная река.

В городе началась паника. Большинство населения кинулось в храмы. Повсюду раздавалось громкое пение и молитвы. Улицы и площади Сен-Пьера обходили крестные ходы, народ нес хоругви и иконы.

Объятое ужасом население – белое, черное и «цветное» – по обе стороны пути священной процессии падало на колени перед изображением Царицы Небесной. Ее — Владычицу и Заступницу — народ молил о защите и спасении. И внял Господь молитвам верующих.

Остановилась страшная огненная река по дороге к городу. Когда крестный ход с изображением Богоматери достиг высокого места, с которого поток лавы должен был неминуемо ринуться в город по крутому берегу реки Роксоланы, то случилось чудо: замерла лава и остановилась на самом склоне, вопреки всякой вероятности и законам физики. Город был спасен. Извержение прекратилось. Не было ни жертв, ни разрушений.

На площадке над обрывом, у которого милость Господня чудесно остановила огненный поток лавы, воздвигнута была статуя Царицы Небесной с простертыми по направлению к городу руками.

Эта горная Мадонна стала почитаться покровительницей и охранительницей всего острова вообще, и города Сен-Пьер в особенности. Ее первую видели моряки, подъезжая к Мартинике, и Ее благословляющие руки, казалось, удаляли от прекрасного острова все опасности.

Действительно, даже ужасные циклоны, так часто опустошавшие Мартинику в прежние времена, стали как будто реже и слабее, щадя Сен-Пьер.

Дважды направление урагана круто изменялось у самого города, оставляя его в стороне, несмотря на все предсказания метеорологов. Благодаря этому во всем населении сложилось убеждение, что город Святого Петра будет стоять и благоденствовать до тех пор, пока горная Мадонна будет защищать и благословлять его с высоты Мон-Пеле.

И святое изображение чтили. Душистые гирлянды роскошных тропических цветов неувядающими лентами постоянно обвивали гранитный пьедестал Мадонны.

Сен-Пьер спокойно процветал у подножья вулкана, и грозное предостережение, как это часто бывает, было быстро забыто.

Достаточно было прожить в Сен-Пьере два-три месяца, чтобы понять печальное положение вещей.

В городе насчитывалось около двух десятков различных религий, считающихся, согласно закону, равноправными с религией христианской, хотя между новыми религиями находились секты, достойные внимания прокурорского надзора.

Каждый желающий придумывал себе религию по своему вкусу. Каждая секта находила последователей и строила свои храмы, часовни, кумирни или капища. И все пользовались одинаковыми правами, одинаковым «покровительством законов».

Закон, разрешающий браки христиан с евреями и язычниками, проведенный в парижском парламенте, делал свое пагубное дело. Семья разрушалась с поразительной быстротой. Да и возможна ли семья, где муж католик, жена иудейка, дочь – буддистка, один сын – почитатель Конфуция, а другой – теософ.

Уживались все эти разношерстные верования исключительно благодаря общему равнодушию ко всякой религии. Атеистов было больше всего, так как верить во что бы то ни было, кроме наслаждений, стало скучно и неинтересно. Неугасимую же потребность в вере, живущую несмотря ни на что, в душе человеческой, совращенные люди пытались удовлетворить так называемыми «окультурными» науками, обещающими открыть тайны загробной жизни и основы мироздания, на самом деле открывая только «тайны» разврата, преступлений и богоборчества.

В Сен-Пьере давно уже существовали масонские ложи. Их было четыре. Все эти ложи относились к «Великому Востоку Франции».

Громадное большинство посвященных первых трех степеней не подозревало истинных целей и настоящего значения масонства. Для «учеников» у братьев-масонов существовали особенные показательные ритуалы, приуроченные к пониманию честных людей, еще не окончательно развращенных слугами сатаны, и долженствовавшие не отпугивать робких и совестливых, а постепенно и незаметно отучать их сперва от нравственности, затем от Церкви и, наконец, от веры в Бога Истинного...

Масонство в городе торжествовало. Оно не только не скрывалось, но и всячески подчеркивало свое влияние, завладевая всеми отраслями общественной жизни. Не скрывалось уже и единение масонства с иудейством.

Даже непосвященным становилась ясна общность талмудической каббалы с масонством, которое, впрочем, открыто признавало эту общность с «великой книгой» иудейско-халдейской премудрости.

Скрывалась до некоторой степени только конечная цель масонских учений, неизбежно ведущих к сатанизму. Об этом еще умалчивали «посвященные» высших степеней, понимающие, что громадное большинство заурядных масонов все еще считало адскую секту простым философско-благотворительным союзом с высоконравственными и гуманными целями. Эта масса обманутых и одураченных «братьев» низших степеней несомненно с ужасом бы отшатнулась, узнав о настоящих целях «свободных каменщиков». А так как эта

масса являлась главной армией масонства, и была нужна тайным главарям его, то ее наивную веру пока щадили.

Однако полное откровение уже подготавливалось постепенно на все учащающихся масонских съездах, решения которых публиковались в специальных изданиях, «к сведению» и руководству всех лож, разбросанных по всему свету.

Одним из таких подготовительных «указов» масонства было между прочим и запрещение упоминать в ритуале посвящения того «верховного архитектора» природы, под именем которого легковерные христиане подразумевали Господа Бога. Подобное толкование позволяло даже искренне верующим вступать в ряды масонства, – от них скрывали совершаемое ими фактическое богоотступничество.

Упразднение имени «верховного архитектора» при принятии масонской присяги раскрывало безбожие и богоборчество адской секты. Оно образумило часть честных людей, завлеченных в масонство могуществом моды и силой совращения. Но эти обе силы так велики, что находились люди, мнящие себя христианами, которые верили, что отрицание Божества делается из уважения к Божеству и что проповедуется богоборчество ради свободы веры в Бога.

Поистине страшен помраченный рассудок человеческий! Он мешает понимать самые простые и очевидные истины, в то же время побуждая верить самым нелепым, лживым и губительным теориям, изобретаемым самим сатаной на погибель человечества... Благодаря возрастающему могуществу масонства, слуги сатаны распространяли свое

мерзкое учение столь беспрепятственно, как и безопасно.

Число сатанистов все росло, увы, не на одной только Мартинике. Повсюду вслед за «невинными», «высоконравственными» и «гуманными» масонскими ложами появлялись их неизбежные спутники – сатанисты, тайно вершащие свои гнусные деяния...

Когда же то тут, то там одно из подобных чудовищных деяний как-нибудь случайно выплывало наружу, немедленно начинались крики о сумасшествии «изуверов»... Ученые евреи: врачи и юристы, историки и философы, писатели и журналисты – нагло отвергали возможность ритуальных убийств в XX веке, и под шумок этих воплей замолкали разговоры о чудовищных преступлениях.

Если же случайно и попадали в руки правосудия не в меру откровенные сатанисты-фанатики, то их помещали в сумасшедший дом, а в случае невозможности заставить замолчать, завязывали им рты... смертью.

Масоны торжествовали, заранее высчитывая день и час, когда капище сатаны осилит храмы Христовы, когда человечество, окончательно совращенное подготовительной работой иудо-масонских развратителей, станет стадом животных, без чести и совести, без веры, надежды и любви, и попадет в явное, окончательное и всеми признанное рабство демонизму.

На Мартинике, в особенности в Сен-Пьере, этот «счастливый» день уже почти наступил. Там масонство открыто торжествовало на всех пунктах. Захватив власть во всех самоуправлениях, масоны добились того, что в колонии Святые Распятая были вынесены из школ и судов, еще раньше, чем

в метрополии – Франции. Оставшиеся при монастырях школы, закрыть которые не было предлога, так как они существовали без поддержки города и государства, высмеивались газетами так упорно и искусно, «что уважающие себя люди» не решались уже отдать свою дочь в «монастырский институт» или воспитывать своего сына в католическом лицее...

Масоны торжествовали и на почве нравственности, разрушение которой шло быстро и успешно.

Среди общественных деятелей и даже государственных чиновников крайне трудно было найти человека, независимого от масонства. Да, впрочем, в то время во всей Франции торжествовали масоны, захватившие министерства, парламент, печать, науку, искусство. Даже армию и флот.

На острове появились, наконец, чудовищные преступления, необъяснимые и таинственные... Колониальный уголовный суд был завален работой, следователи выбивались из сил, а полиция не находила виновных.

Масоны же торжествовали, поспешно отделывая свое новое капище, носящее название «храма Соломонова». Они решили в этом райском уголке основать свою «твердыню», где можно было безопасно совершать адский ритуал служения сатане, как в Чарльстоне. Не украдкой, в подземельях и катакомбах, как в Париже, не с риском, а спокойно и уверенно, в роскошном капище, мраморные стены которого уже возвышались в Сен-Пьере.

Решение о постройке нового храма иерусалимского было принято на очередном собрании великого синедриона в Берлине, вскоре после пожара в Сан-Франциско, уничтожившего вместе с девятью

десятыми исполинского города и храм, выстроенный американскими масонами.

По предсказаниям каббалистов, ожидаемый Мессия должен был родиться в 1902 году. Нужен был храм для его воцарения. Решено было выбрать Мартинику, французскую колонию, для постройки храма.

Вскоре в Сен-Пьере, в местной синагоге, состоялось тайное заседание великого Бет-Дина – судилища израильского. Все три инстанции тайного правления израильского народа – великий синедрион, имеющий свое пребывание в Лондоне, блюститель престола израильского, избравший своей резиденцией Париж, великие мастера масонства в Риме – проинструктировали представителей очередного международного съезда. Главным вопросом была закладка «Соломонова храма» в Сен-Пьере.

Для храма избрали принадлежащее городу место в южном предместье. Это был пустырь, произвести закладку – официальную и ритуальную – предполагалось не позже, как через пять или шесть месяцев... Все присутствующие выразили одобрение.

Только стасемилетний цадик, старый талмудист, проведшей полных сто лет за изучением закона и тайной науки хасидов – каббалы, к удивлению присутствующих, засомневался в успехе предпринимаемого дела.

Ведь речь шла не об обыкновенной синагоге... Столетняя мудрость указывала ему на необходимость оглянуться на судьбы прошлых предприятий того же рода и вспомнить, что случилось с прежними храмами, воздвигнутыми по подобию храма Соломона?

Истинный храм Соломона давно уже разрушен. Развалины его лежат на горе Мориа... Кто же разрушил этот храм, святыню народа еврейского? Вы скажете, римские легионы Тита и Веспасиана... Я же скажу вам иное... Слушайте и разумеите. Почему же то, что случилось после пленения вавилонского, не повторилось после пленения римского. Почему? Он – наш враг. Тот Назаретянин, Кого мы называем «лжемессией», положил заклятие на стены храма Иерусалимского, приказа священной горе Мориа навеки оставаться под развалинами... И заклятие это тщетно пытались сломить самые сильные люди, – от римского императора Юлиана, ставшего врагом Галилеянина, и до великого Саладина. Явные и тайные – все попытки восстановления храма сионского оказались тщетными. Гора Мориа повиновалась заклятию Распятого. Огонь выходил из земли, пожирая рабочих. Другие задыхались от ядовитых испарений. Землетрясение разрушало новые фундаменты. Вода небесная смывала приготовленные материалы... И поныне плачущий Израиль молится у тех же развалин и целует ту же единственную стену храма Соломона.

Юлиан, прозванный христианами Отступником, пытался воссоздать храм сионский. Целое тысячелетие прошло, прежде чем евреи вновь осмелились подумать о воссоздании храма. В XVI веке начали постройку храма в Генте. Но разразилась война с Испанией, и едва оконченное здание погибло в огне. Прошли столетия... В Португалии старейшины изгнанных из Испании евреев снова задумали построить храм по тем же, бережно скрываемым священным планам. И что же?.. Храм этот был разрушен великим Лиссабонским земле-

трясением! (1 ноября 1775 года сильное землетрясение сравняло с землей Лиссабон, разрушив 5 тысяч зданий. Начался пожар. Оставшиеся в живых в панике бежали на набережную. Но через некоторое время их накрыла 12-метровая волна. Погибло 50 тысяч человек.) Еще раз погибла надежда Израиля на западе – так точно, как немного раньше такая же, почти оконченная, надежда погибла на Востоке. В Польше королем, подпавшим под чары новой Эсфири, решена была постройка храма, – злодейские казачьи шайки сожгли город и с ним – неоконченный храм наш. Эти три попытки записаны в Талмуде так же, как и решение великого синедриона не делать новых опытов, впредь до явного указания на милость бога нашего. С тех пор молится Израиль ежегодно на Пасхе о том, чтобы храм был воздвигнут «скоро, скоро, в дни наши»... И долгие годы, и поныне читается эта молитва во всех синагогах, а храма все еще нет, и будет ли – неизвестно...

Знаю, что положение евреев улучшилось. Тайная, но неустанная работа масонства сделала свое дело. Организованная им французская революция даровала евреям равноправие во Франции, так же, как американская революция дала нам равноправие в Америке. Превратить же это равноправие в фактическое главенство было уже нетрудно еврейскому уму, и в XVIII и XIX веках победы еврейства стали так очевидны, что старейшины наши признали их за явное указание милости Божией и решили снова приняться постройку нашего храма. И что же? Началась франко-прусская война, устроенная нами же ради водворения республики. Прусские войска обложили Париж, и одним из первых пожаров

уничтожено было то поместье в Сен-Клу, где «владелец» – один из наших банкиров – строил себе «новый замок». От храма нашего снова остались только груды развалин... Снова мечта о храме оказалась суетой сует... Последней попыткой была постройка храма в далеком Сан-Франциско, где среди китайских капищ и японских кумирен святилище масонов должно было менее привлекать внимание, чем в Европе. Законы американской республики были за нас. Потому на этот раз постройка шла открыто. Состоялось торжественное открытие дивного храма, построенного по древним священным планам, сохраненным в продолжении веков, было даже тайное жертвоприношение, ознаменовавшее победу над врагом нашим. Кровь жертвы, пригвожденной к кресту, подобно Тому, Который воздвигнут был на Голгофе, должна была дать нам силу для окончательной победы... Но увы... И это торжество наше было недолговечно. Страшный пожар оставил от города одни развалины. В огне погиб и построенный храм Соломона. Теперь великий синедрион решил сделать еще одну попытку построить храм Соломона на этом прекрасном острове. Достаточно ли обдуманно это решение? И если старейшины, знающие силы Израиля и волю повелителя нашего, уверены в том, что время настало, к чему же избирать далекий остров? К чему прятаться, как трусливым рабам? Если настала пора Израилю явиться тем, чем он будет – господином над всеми народами, грозным повелителем, вздымающим бич над рабами иноплеменными, – то к чему же прятаться от этих рабов? Не достойнее ли было бы отпраздновать победу нашу в Иерусалиме и возобновить храм сионский? И доказать всему миру и всему христианству

тщету предсказаний Того, Кто повелел горе Мориа навеки оставаться под развалинами... Но, советуя восстановление, если у нас есть уверенность в возможности его, я все-таки считаю своим долгом напомнить о печальной судьбе всех прошлых попыток и сказать вам, члены великого Бет-Дина: будьте осторожны. Велика сила Распятого: мы боремся с ней почти две тысячи лет, и до сих пор не смогли победить ее. Я ненавижу Его, но я вижу Его могущество и предупреждаю вас, дети мои... Сто лет провел я в одиночестве и лишениях, отказавшись от всех радостей тела, чтобы достигнуть того ясновидения, которого достигали великие знатоки Талмуда. И многое стало мне ясно, многое, скрытое от глаз посвященных. Но ясней всего мне то, что мои великие знания, в сущности, ничто перед тем, что все еще остается для меня неразрешимой загадкой. И самая мучительная, самая неразрешимая из этих загадок – это сила Того, Кого благочестивые предки наши предали позорной казни... Я вижу, что победа, которую торжествовали тогда в Иерусалиме, была воистину суета сует, ибо она положила начало тысячелетнему порабощению нашему, давая Умершему возможность создать христианство».

Глубокая горечь звучала в голосе старика-кабалиста. Трагическая горечь ученого, пришедшего путем вековых размышлений к страшному убеждению в ошибочности всех своих выводов, в то же время не находящего в себе ни сил, ни энергии, ни мужества для того, чтобы сжечь все, чему поклонялся, и начать новую жизнь, – с новыми убеждениями, для новой цели...

Вопреки всему, торжественная закладка мasonicкого храма состоялась. После уничтожения ры-

царского ордена тамплиеров впервые открыто и громогласно произносились формулы посвящения будущего здания тому «великому архитектору вселенной», под именем которого неподготовленная толпа, так же, впрочем, как и масоны первых посвящений, понимали Бога Истинного, посвященные же высших рангов разумели мрачного владыку тьмы и зла – Люцифера.

В далекой французской колонии, посреди республиканской администрации, почти поголовно сочувствующей масонству, нечего было опасаться. Знамена бесчисленных лож, как местных, так и привезенных различными депутациями из Америки и Европы для участия в торжественном событии, сверкали яркими красками своих шелковых полотнищ, на которых золотом и серебром были вышиты масонские девизы и таинственные фигуры, истинный смысл которых понятен был только посвященным.

В восемь часов утра торжественное шествие вышло из ворот главной ложи Сен-Пьера, после короткого тайного заседания тридцати трех высших посвященных, и, пересекая город наискось, добралось до места постройки.

Это был огромный участок, подходящий вплотную к скалистому склону Красной вершины и являющийся крайней границей городской земли. Посреди участка уже был распланирован будущий храм, фундамент которого обозначался глубокими рвами. В самом центре будущего здания находилась трехсаженная траншея, над которой устроены были прочные деревянные мостки. Здесь должна была совершиться закладка первого камня.

Вокруг мостков сгруппировались депутации и приглашенные «почетные» гости: чины администра-

ции, общественные деятели и местная аристократия. А еще дальше, за линией конных полицейских, наблюдающих за порядком, запрудила участок громадная толпа народа.

И решительно никому не приходило в голову, что здесь восхваляется безбожие, сатанизм и масонство.

Было произнесено немало речей, полных напыщенных фраз о «свободе веры», живущей в человечестве, и о «могуществе» «великого архитектора вселенной», о храме добродетели, воздвигаемом в душе человека, и о «братстве всех народов», объединенных международным масонством, о освобождении народов от «всех цепей и всякого рабства, хотя бы умственного, рабства предрассудков», о золотом веке «вечного мира, когда кровавые сражения и братоубийственные войны отойдут в область преданий», о равенстве всех племен Земного шара и прочее, до бесконечности...

В глубокую траншею с помоста громадные лебедки спустили первый камень. В особо выточенное треугольное углубление мраморной глыбы положена была золотая медаль, вылитая в честь знаменательного события, и свиток пергамента, исписанный древнееврейскими письменами. Затем отверстие было закрыто серебряной доской с выгравированными на ней годом, числом и знаками Зодиака. Доску эту прибили золотыми гвоздиками, по которым по три раза ударили серебряными молоточками старшие из «мастеров». Серебряный молоточек переходил из рук в руки, от масонов к властям военным и гражданским, и, наконец, попал в руки протестантского пастора, спокойно сделавшего свои три удара. Затем молоточек оказался в руках глав-

ного раввина новой синагоги. Самые почтенные и влиятельные из горожан теснились вокруг масонских вождей.

Символические фигуры на масонских знаменах, кажущиеся такими простыми непосвященным, имеют, однако, страшное значение для посвященных. Даже общеизвестная шестиконечная звезда, сделанная из двух треугольников, имеет страшное символическое значение опущенной книзу вершиной треугольника.

Исподволь приучают масоны христианские народы к созерцанию своих символов, которые уже никто не замечает. Привычка мешает обращать на них внимание, а тем паче допытываться их значения. И благодаря подобной привычке, легкомысленное современное человечество незаметно приучается допускать страшные символы в свою жизнь... Продавали же в то время, в 1906 г., в столице православной России, в Петербурге, в Гостином дворе, дамские кофточки, на шелковой тесьме отделки которых повторялась в виде невинного узора еврейская буква «Шин» – начальная буква слова «Шатан» (сатана), таинственная символическая буква, пылающая синим огнем между рогами черного козла, председательствующего на дьявольских шабашах.

И в Сен-Пьере, на Мартинике, прошли незамеченными и непонятными страшные символы сатанизма, изображенные на знаменах масонских лож.

Когда первый камень был спущен на дно траншеи и установлен отрядом каменщиков, украшенных символическими передниками и пестрыми лентами, с висящей на груди пентаграммой, официальное торжество окончилось.

Через два часа после окончания официальной закладки, высокая ограда, окружающая весь громадный участок, предназначавшийся под храм Соломона, опустела. Все входы, ведущие за эту ограду, были старательно заперты, а ключи унесены главными надзирателями, сопровождавшими всех рабочих, приглашенных «строительным комитетом» в один из громадных увеселительных садов Сен-Пьера, где был приготовлен для них обед с обильной выпивкой.

До поздней ночи пировали каменщики, плотники, штукатуры и землекопы за счет строительного комитета. И никто из подвыпивших рабочих не обратил внимания на постепенное исчезновение некоторых «мастеров» и десятников при приближении полуночи.

Ускользнувшие «мастера» направились обратно к месту постройки, откуда вышли несколько часов назад.

«Вольные каменщики» собрались у места официальной закладки, помещенной в середине неправильного шестиугольника, образующего отгороженный участок.

Рядом с только что опущенной и не заделанной цементом глыбой мрамора имелась узкая и низкая щель, в которую свободно проходил слегка согнувшийся человек. Это был тайный вход в капище сатаны. Переступить порог этой черной щели мог даже не каждый из высших посвященных. Переступившему же порог возврата уже не было. Одна смерть может порвать узы эти.

В подземных помещениях будущего масонского храма происходило тайное «освящение» здания сатане по древнему ритуалу, сохранившемуся со

времен рыцарей-храмовников почти без изменения. Здесь, в подземных залах (на официальных планах, утвержденных строительной комиссией городского муниципалитета, залы эти были обозначены под скромным названием «подвалов и погребов»), уже готово было капище сатаны, устроенное по всем правилам «черной магии».

Пробить в скале бесконечные коридоры, громадные лестницы, ходы и переходы, то поднимающиеся, то опускающиеся, было бы невозможно не только в шесть месяцев, но и в шесть лет...

Но Мартиника была когда-то населена язычниками, устраивавшими свои капища в подземельях и гротах вулканического происхождения. Эти язычники были, в сущности, поклонниками сатаны, принося в честь его человеческие жертвы.

Таким образом, масонство нашло на Мартинике вполне подготовленную почву, как в буквальном, так и в переносном смысле слова. Участок земли, приготовленный для постройки храма Соломона, именно потому и был так важен для масонов, что под ним находилось старинное подземное главное капище сатаны, соединенное подземными же галереями, с одной стороны, с новой синагогой и с несколькими зданиями в центре города, занятыми жожаками масонства. С другой же – оканчивалось несколькими тайными выходами, постепенно поднимаясь под землей до самой вершины Лысой горы (Мон-Пеле).

Зная это, можно понять упорную борьбу масонов с владельцами участка, не желавшими его уступать. В конце концов, масоны восторжествовали и, завладев нужной землей, начали обновлять и отделять подземное капище, что и было исполнено в полгода.

Таким-то образом, после официальной торжественной закладки масонского храма, на которой могли присутствовать, не видя ничего предосудительного, и власти, и печать, ночью, в подземном зале, под главным корпусом будущего здания, происходила ужасающая сцена посвящения этого здания сатане.

Ужасное зрелище являло собой это подземное капище. Здесь каждая подробность была гнусным кощунством, каждое украшение – отвратительным осквернением веры Христовой... Как справедливо сказал св. апостол Павел, «не следует и говорить о сих мерзостях»...

Увы, «мерзости сии» существовали не только на Мартинике, но и еще существуют во многих местах. И не только в отдаленных и малоизвестных местах, но и в центрах цивилизации, в Америке, в столицах европейских государств – в Париже, Лондоне!

Во Франции существование капищ сатаны давно уже было доказано протоколами полиции, не раз нападавшей на след этих тайников разврата, преступления и святотатства в бесконечных галереях так называемых «катакомб», расползающихся громадной сетью подо всем Парижем.

Десятки раз французские, английские и американские судебные следователи были в двух шагах от раскрытия всей истины. Но каждый раз поспешно вмешивалось тайное влияние всемогущих масонов, и следствие прекращалось.

В подземном капище Сен-Пьера собралось несколько десятков наиболее знатных проповедников сатанизма, искусно скрывающихся под самыми безобидными профессиями.

Теперь на свои полуобнаженные тела они надели кроваво-красные мантии «посвященных» люцифериан, а на голову – черные шапочки с парой длинных золотых рогов, наподобие козлиных, круто поднимающихся надо лбом великих жрецов сатаны.

Красные гранитные стены были так тщательно отполированы, что в них, как в зеркале, отражались многочисленные огни свечей и лампад. Низкие тяжелые своды поддерживались рядом гранитных массивных колонн, изображающих какие-то мрачные существа с туловищами змей и человеческими головами, украшенными такими же рогами, как и шапки главных жрецов.

Впрочем, эти козлиные рога, змеиные тела и звериные морды на человеческих туловищах повторялись во всех украшениях подземного капища, стремящегося быть гнусной карикатурой на христианский храм. В каждом предмете утвари, в каждой подробности орнамента сквозило стремление унижить священные символы христианства и превратить в грязную пародию церковную архитектуру.

На стенах кое-где были развешены картины, но изображенные на них сцены из ветхозаветных книг были представлены в неподдающихся описанию гнусных толкованиях, с такими возмутительными подробностями, что у порядочного человека не найдется слов для их изображения. А, между тем, перед мерзкими картинами стояли высокие серебряные подсвечники, сделанные по форме церковных, но изгаженные козлиными рогами... Даже золоченые рамы картин составлены были не из гроздьев винограда, а из неприличных, отвратительных фигур.

Посреди зала возвышался большой кусок полированного черного мрамора – жертвенный камень сатаны. К нему вели семь невысоких, но очень широких ступеней, на которых занимали места жрецы согласно их рангу. Позади этого мраморного треугольника, ужасное назначение которого выдавали выдолбленные посередине желоба в форме положенного креста и большие серебряные кольца там, где должны были находиться руки и ноги человека, растянутого на ужасном жертвеннике, – находилась ниша, задернутая шелковой занавесью, на которой нашиты были вырезанные из черного бархата странные знаки, геометрические и символические фигуры, буквы древнееврейской азбуки.

Последние образовывали таинственные слова, понятные лишь для высших «посвященных» люцифериан.

По обеим сторонам желтой занавеси возвышались статуи «охранителей порога» – чудовищные изображения человекообразных существ с козлиными рогами и змеиными телами, с женской грудью и мужскими лицами. Целый ряд драгоценных лампад, изображающих кошек, змей, волков, спускался с потолка на серебряных цепях перед этой дверью, на вершине которой изображен был треугольник, опущенный вниз.

В этом капище сатаны этот масонский треугольник, повторяющийся во всех тайных «часовнях» тамплиеров, уличенных в «чернокнижии и идолослужении», подчеркивал единение союза «свободных каменщиков» (масонов, являющихся преемниками рыцарей-храмовников) с открытыми обожателями зла: люциферианами и сатанистами.

Желтый занавес отдергивался крайне редко.

Даже не все из присутствующих здесь высших посвященных видели скрытую этим занавесом таинственную фигуру Бафомета, под видом которого храмовники поклонялись сатане. Масса же масонов тех степеней, которые не знали о единстве масонства с сатанизмом, даже не подозревали того, что скрывается за таинственным занавесом. С боязливым ужасом слушали они пророчества, звучащие оттуда в особенно важных случаях.

Направо и налево от главной ниши находились две другие, немного меньшие. В одной из них находилась большая печь из огнеупорного кирпича, сделанная по образцу тех «крематориев», в которых безбожная мода побуждает людей сжигать покойников, не допуская усопшего до освященной земли христианских кладбищ.

Эта страшная печь была предназначена для сжигания тела.

Вторая ниша была темницей, где находилась жертва в ожидании последнего эпизода адской церемонии.

Согласно древнему ужасному ритуалу, на месте закладки должно было быть зарыто живое человеческое существо – ребенок или девушка.

Так были построены многочисленные крепкие замки тамплиеров (храмовников), и этот ужасный факт был удостоверен на знаменитом «процессе храмовников» официальной историей.

Ведь для гнусных адептов черной магии необходима невинная кровь человеческая, и мрачные каббалисты, променявшие чистый закон Моисея на отвратительные «законы» Талмуда, унаследовали ужасное суеверие первобытных идолопоклонников, сохраняя это учение до нашего времени.

Правда, когда убийства совершать опасно, их заменяют простой «черной мессой», в ритуале которой вместо кровавых человеческих жертвоприношений устраивалось осквернение священных символов и святотатственные церемонии, во время которых приносились «жертвы», отдававшие только свою женскую честь, иногда даже добровольно.

В других случаях совершались гнуснейшие святотатства и осквернение Святых Даров, если злодеям удавалось похитить их.

Масоны самую злобную, самую непримиримую ненависть питают ко всем религиям вообще, а к христианству – в особенности.

В журналах и газетах, находящихся всецело в их руках, открыто проповедовалась необходимость начать беспощадную войну против «пагубного суеверия», именуемого верой в Бога. Устраиваемые масонами «философско-нравственные» (чисто безбожно-безнравственные) вечеринки имели шумный успех. Молодежь стремилась на лекции «знаменитых» проповедников отрицания и неверия, кончающиеся танцами. Женский масонский лицей имел двойной комплект слушательниц. Почти все мужские учебные заведения окончательно перешли во власть масонства. Духовенство вытеснялось отовсюду деятельно и успешно. Даже в госпиталях «сестер милосердия» сменили нанятой «штатской» прислугой. Из женской тюрьмы «прогрессивное», то есть – масонское, городское самоуправление изгнало скромных подвижниц-инокинь, специально посвятивших себя служению бедным женщинам, попадающим в тюрьму, и спасавших не одну сотню этих несчастных заблудших овец.

Одним словом, в колонии делалось то же самое, что творилось в несравненно более широких размерах в метрополии – Франции.

Масонскими обществами решено было сделать из Новогоднего праздника (в 1902 году) что-либо, могущее послужить «противовесом» христианским «церемониям» праздника Рождества Христова.

К тому же времени было запланировано «открыть» и новый храм масонства.

Уже было построено громадное здание, вернее, целая серия зданий, где размещались помещения, предназначенные для молитв и жертвоприношений, залы заседаний масонских лож и политических собраний, школа тайной масонской мудрости, квартиры главных служителей храма и обширные строения с неопределенным названием «складов».

Общий вид громадной постройки напоминал древний план храма Соломона в уменьшенном виде. Подобно ему, это масонское сооружение взбегало вверх почти до полугоры своими дворами, садами и отдельными корпусами, заключенными в высокую тройную ограду.

Все эти здания построены были из великолепного местного гранита и порфира. Для центрального же храма допущены были только благородные материалы, драгоценные мраморы, бронза, редкие породы деревьев – черное, красное, розовое, а также слоновая кость, черепаха, серебро и золото...

Перед главным входом центрального здания, окруженным двойным рядом стройных колонн из желтого мрамора находился небольшой внутренний дворик, вымощенный фарфоровой эмалью, изображающей знаки Зодиака. Посредине поставлен был громадный сосуд в виде чаши, из блестя-

щей красной меди, поддерживаемой двенадцатью быками в натуральную величину, отлитыми из темной бронзы. Этот гигантский сосуд представлял точную копию знаменитого «медного моря» (небухим), стоявшего в дни торжественных жертвоприношений. Его до краев наполняли кровью жертвенных животных.

Какой кровью желали наполнить свое «медное море» сатанисты, скрывающиеся в центре масонства и в глубине еврейско-талмудической секты? Как знать, какие ужасающие сцены увидели бы красивые стройные колонны, окружающие этот «двор жертвоприношений», если бы Господь, мановением властной десницы Своей, не уничтожил строителей вместе с постройкой...

Но в те дни, когда тысячи искусных рук кончали внутреннюю отделку великолепных зданий; когда сотни судов подвозили со всех сторон света драгоценные материалы, дивную утварь, роскошные ткани – шелк, бархат и парчу; когда строители с гордостью показывали заезжим туристам новую «гору Мориа», когда масоны всего мира заранее торжествовали, в ожидании открытия «второго» храма Соломона, – в те дни никто из строителей не думал о Боге.

Упоенные гордыней, они торжествовали и богохульствовали...

Со всех сторон начали съезжаться масоны – осматривать уже почти оконченное великолепное здание. За неделю до Рождества прибыли на Мартинику действительные главы таинственного специально еврейского братства «Бнай-Брит»...

Мирный Рождественский крестный ход стараниями масонов-provokаторов был превращен в

настоящее побоище. Богоборцы пели масонско-революционный гимн, в котором глумились над святейшими верованиями христиан, проклинали наиболее чтимые символы Святой Церкви, отрицая все, вплоть до существования Господа Бога.

Часовня у подножья вулкана-горы, посвященная Божией Матери, была осквернена, а впоследствии и вовсе «снесена» по распоряжению городской управы.

Сатанисты-масоны торжествовали свою победу, печатая в двухстах тысяч экземпляров свой богоборческий гимн для бесплатной раздачи, и радовались, забывая, что Бог «поругаем не бывает».

Тем временем в масонском капище день и ночь кипела работа. Готовилось официальное открытие этого нового «храма Соломона», которое должно было совершиться 5 мая утром. Тайное же жертвоприношение и посвящение сатане откладывалось на ночь с 7 на 8 мая, которая, по исчислению масонских астрологов, была избрана судьбой для решительного сражения двух начал: Света и тьмы, Добра и зла.

Но тогда-то внезапно и постигла их пагуба. Десница Господня поразила грешный город, как Содом и Гоморру.

Уже в конце апреля – начале мая 1902 года люди слышали гул и ощутили подземные толчки. Проверка кратера вулкана показала, что там кипит вода и выделяется много пара. Затем гул и толчки стали заметно усиливаться. Время от времени Мон-Пеле выбрасывал тучи пепла.

Первыми забеспокоились животные. Змеи покинули свои жилища в расщелинах старой лавы на склонах, спустились к побережью и наводнили плантации и городские окраины. Кстати, только из-за их

укусов тогда погибло 50 человек и 200 животных. Птицы далеко облетали остров, а черепахи уплыли из прибрежных вод.

5 мая утром, как и было намечено, состоялось официальное открытие масонского храма специальной «службой», сильно смахивающей на торжественные служения в еврейских синагогах. Открытие совершилось в присутствии официальных властей и при громадном стечении избранной публики. На площади, перед новым зданием, собралась огромная толпа, ожидающая «угощения», обещанное в этот день народу.

Даже христианское духовенство присутствовало на масонской церемонии в лице протестантского пастора и двух католических прелатов модного направления, щеголяющих своей «терпимостью».

Все поражались роскошью и великолепием громадного здания, взбегавшего отдельными корпусами до самой вершины «красного холма», высота которого равнялась приблизительно одной трети высоты Лысой горы.

Лысая гора, пугавшая глухими раскатами подземного грома, в это утро, казалось, окончательно утихла, что было истолковано масонскими проповедниками как признак «высокого значения новой религии человечества» (то есть масонства), «религии без лицемерия и суеверия, не боящейся разумной критики, религии, не одурманивающей людей запугиваниями и не подкупающей слабых суждением, а робких душой – несбыточными обещаниями сверхъестественного, посмертного блаженства, противоречащего науке и здравому смыслу».

Так говорили проповедники масонства, восхваляя свою новую религию, «значение и мощь кото-

рой уже ясно сказались в затишье, сменившем гул и грохот последних дней. Неразумная природа подчинилась разумной воле своего повелителя – человека, признавшего просветленным умом в себе самом единственное божество земного шара. Вулкан, затихший в сегодняшний торжественный день, – лучшее доказательство того, что очищающее влияние масонства чувствуется даже бездушной природой, а тем паче одушевленными людьми!

Эти искусно составленные речи были произнесены двумя столетними мудрецами, появившимися перед глазами непосвященной публики в парадных одеяниях масонских жрецов, с вышитыми золотом передниками и массивными золотыми циркулями, треугольниками и прочими атрибутами «свободных каменщиков». Речи и ораторы произвели большое впечатление. Им горячо аплодировала праздная публика, падкая на все «новое» и «оригинальное».

Несение масонских знамен вокруг стен обширного здания, пародирующий христианские крестные ходы, также имел большой успех. Молодые девушки, ученицы масонского лицея, и дети, воспитанники психоневрологического института Мартиники, посыпали цветами дорогу, по которой двигались блестящие пестрые знамена с велеречивыми надписями, вроде «права человека», «всеобщее благо», «братство народов», «одно сердце, один разум, один язык», вперемежку с постоянно повторяющимися словами: «свобода, равенство и братство»... Все эти изречения были вышиты серебряной или золотой канителью по яркому бархату или парче. Цветочные гирлянды обвивали древка знамен, колонны и перила галерей, головы, руки и шеи певцов и певиц в белоснежных одеяниях

древневосточного покроя, перехваченных золотыми или серебряными поясами и украшенных такими же вышивками.

В общем получилось эффектное зрелище. Состоялось даже жертвоприношение белой «телицы» с позолоченными рогами и копытами и с гирляндой цветов на шее. Торжественные звуки труб, играющих какой-то торжественный хорал, не могли заглушить жалобного мычания животного, упавшего под ножом «главного жреца» в смертельной судороге на мраморную мозаику внутреннего двора, где стоял жертвенник. Кровь вылили в золотой сосуд, из которого кропили стены здания и присутствующих.

Несчастные одуроченные горожане любезно склоняли головы перед жрецами сатаны, не понимая, что капля крови, разведенная красным вином, упав на их головы или одежды, была первым звеном страшной цепи, накладываемой сатанистами на совращаемых...

Слишком привыкло современное человечество относиться легкомысленно к вопросам религиозным, слишком охотно чванится оно своей «терпимостью»... Этим пользуются агенты масонства, скрывающиеся под сотнями различных наименований, но ведущие души человеческие, вверившиеся им, всегда к одному и тому же концу, к духовной гибели, к сатанизму...

Начавшаяся, по южному обыкновению, в шесть часов утра, эффектная церемония «посвящения» масонского храма, речи, пение, обход здания и окропление «очистительной» кровью белой телицы, продолжались не менее двух часов.

Так как ни одна фабрика в городе в этот день не работала, то толпа народа осталась на большом

внутреннем дворе, где для нее были накрыты бесконечные ряды столов и устроены два фонтана, – один из крепкого красного вина, другой – из рома. Парадный же обед для избранной публики был назначен на семь часов вечера.

Вечером, на торжественном обеде, вновь и вновь звучали масонские речи о «братстве всех народов». Говорилось и о «высшем разуме великого архитектора природы», которому поклоняются «все народы», называя его «различными именами», и о священном праве каждого на счастье и любовь, и о несправедливости «древних предрассудков»...

Так искусно внушалось развращающее учение масонов, подрывающее любовь к родине, высмеивающее мужество и патриотизм у мужчин, добродетель и скромность у женщин, – потрясая все основы семьи и воспитания, убивая в зародыше уважение к родителям и послушание воспитателям, целомудрие и стыдливость, верность в любви и браке и сознание долга в материнстве.

Проповедь всеобщего анархизма произносилась так умело, что легкомысленная нарядная публика, восхищенная роскошной обстановкой и торжественностью «ритуала», не заметила ничего «предосудительного» и ушла из масонского капища, более чем когда-нибудь преисполненная уважением к этому союзу ученых филантропов и практических философов, стремящихся распространить повсюду «свободу, счастье и богатство»...

Этот же день, 5 мая, ознаменовался и первым бедствием. Горячий грязевой поток спустился по руслу реки Белой и затопил сахарный завод, находившийся в ее русле, на берегу моря. Огромная раскаленная лавина – 10 метров высотой и 150 метров

шириной – все смела на своем пути. Погибло 24 человека.

Духовенство призывало к покаянию и молитве, которые одни еще могли отвратить гнев Господень от Сен-Пьера. Все, кто верили и молились, спешили в храмы, а затем на суда, уходящие из обреченного города. Как-то незаметно все пароходные линии принуждены были совершать двойные рейсы по всем направлениям.

Массовые отъезды увеличивались с каждым рейсом. Бежали все, в ком оставалась хоть искра совести, все, кто боялся гнева Божия, ибо знали, что Сен-Пьер осужден на гибель, знали также все и почему... Убежавшие из Сен-Пьера были спасены. Многих предупредили вещие сновидения, повторяющиеся до того одинаково, что одной этой одинаковости достаточно было для того, чтобы убедить самых неверующих. Но, увы, ослепленных адскими чарами ничто убедить не могло...

Город как обезумел, не замечая предвестников смертельной опасности. На 8 мая в городе намечались административные выборы, а потому людям, разгоряченным политической борьбой, некогда было обращать внимание на тихий голос Церкви, проповедующей покаяние и молитву.

Возвышать же голос Церкви Христовой уже не дозволялось. Радикальная масонская администрация добилась запрещения открытой проповеди на улицах и в церквах, дабы «сохранить порядок» и воздерживаться от всего, что могло бы показаться предвыборной «провокацией», – крестных ходов и публичных молитв.

И вот в последние дни, которые милость Господня оставляла жителям Сен-Пьера для покаяния,

вместо того, чтобы молиться и плакать у подножья алтарей, несчастное, совращенное и одурманенное масонами население плясало и пело политические куплеты, полные кощунства и неприличия.

В ночь на 7 мая улицы Сен-Пьера были полны народа, не расходившегося до самого рассвета. Все увеселительные заведения были заполнены. Всюду гремела музыка. На площади и бульварах играли оркестры. Городское управление делало все, что могло, чтобы «развлечь» публику и не сорвать выборы. Люди точно сошли с ума, стараясь заглушить ужас близкого конца.

Масонская ненависть к христианству высказывалась со страшной силой. Стоило кому-либо из старожилов вспомнить о прошлом извержении и о чудесной помощи Богородицы, спасшей тогда город от огненных потоков лавы, как его осыпали насмешками и злобной руганью. Доходило и до побоищ. Наконец, масоны осмелились взорвать статую Мадонны, полвека охранявшую Сен-Пьер от огненной стихии.

В ответ на молитвенные призывания раздавались проклятия и святотатственные песни озверевших от водки хулиганов, составляющих масонскую армию. Под предлогом «остановки убегающих выборщиков» отряды этой «роты антихристовой», торжественно называющей себя «выборными комитетами», нападали на всякого приличного человека, покидающего Сен-Пьер, с наступлением вечера. Эти шайки политиканов-разбойников окружили несчастный город страхом, как стеной удерживая в городе жителей. 7 мая над городом нависла черная туча. Все пароходы, отходившие в тот день, были переполнены беглецами из Сен-Пьера.

Ученые же в один голос уверяли, что нет причин для бегства, так как извержение по своему характеру будет аналогично предшествующему (в 1851 г.), а к полнолуннию оно и вовсе прекратится, и не верующие в Бога верили предсказаниям «ученых».

Улицы вновь наполнились гуляющими. Загремела музыка в садах, на площадях, в бальных залах. Снова раздался веселый смех, шутки, зазвучали куплеты.

По улицам потянулись предвыборные шествия с флагами и транспарантами, на перекрестках раздавались обычные агитационные речи.

Заккрытие фабрик выбросило на улицу громадную массу рабочих. Толпа этих «сознательных» выборщиков наводнила Сен-Пьер и находилась здесь под влиянием влиятельных масонских радикалов.

По улицам Сен-Пьера расклеивались правительственные афиши, в которых говорилось: «По точному подсчету наших гениальных ученых, к утру выборов (8 мая 1902 г.) рассеются последние признаки опасности. Граждане колонии спокойно и уверенно проследуют к избирательным урнам Сен-Пьера, исполняя главнейший долг и осуществляя священнейшие права счастливых сынов Французской республики».

Вся эта предвыборная свистопляска под дудку всемирного иудо-масонства наполнила шумом и волнением ночь с 7 на 8 мая. Последнюю ночь Сен-Пьера.

В эту же страшную ночь в подземной капище-храме совершалась «черная месса» с великим жертвоприношением, заканчивающимся ужасной церемонией раздачи присутствующим жертвенной крови. Все это сопровождалось, согласно ритуалу

люциферианства, отвратительными кощунственными действиями и самым гнусным развратом.

Дьявольская оргия была в самом разгаре, когда началось извержение и огненная лава стала проникать в подземные этажи храма. Медленно, бесшумно и неудержимо двигались страшные огненные ручьи. Громадный зал наполнился криками, воплями и проклятиями. По капищу металось стадо обезумевших преступников, преследуемых гневом Господним. Огненная смерть ждала их повсюду. Кипящая лава (до 12000°С) стала просачиваться сквозь потолок, падая огненными каплями на обнаженные тела мужчин и женщин.

Наконец, горящее озеро расплавленного металла заполнило подземное капище. Все было разрушено. От гигантских статуй сатаны, от драгоценной утвари, от золотых лампад не осталось и следа. Все было покрыто лавой.

В самом городе, казалось, ничто не предвещало беды. Рассвет 8 мая был ясный. День обещал быть солнечным. Столб пара из кратера Мон-Пеле поднялся выше обычного, но, кроме этого, не было ничего исключительного или странного в поведении вулкана. Около 6 часов 30 минут океанский корабль с покрытыми пеплом палубами вошел в порт Сент-Пьера и стал на якорь рядом с другими судами. А в 7 часов 52 минуты Мон-Пеле буквально разорвался на части.

Прозвучали четыре оглушительных взрыва, похожих на пушечные выстрелы. Они выбросили из главного кратера черную тучу, которую пронизывали вспышки молний. С ураганной скоростью (до 500 км/ч) эта палящая туча (700–1000°С) – смесь горящих газов, пепла и капелек раскаленной лавы

– устремилась к городу. За три секунды она преодолела восемь километров, отделявших кратер от набережной, и Сен-Пьер исчез, сметенный стеной огня.

Когда густой пепел осел, стало видно, что от города ничего не осталось. За какие-то полминуты в Сен-Пьере погребло все! Тысячи людей или мгновенно сгорели, или же мгновенно задохнулись.

Спаслись только те, кто успел отплыть от берега. Не успевшие отшвартовать суда сгорели или были перевернуты, вода в гавани закипела. В самом городе спасся только один человек, защищенный толстыми стенами городской тюрьмы.

Все дома, все постройки были разрушены. Двадцать верст пылающих развалин.

Но и это еще не конец! 20 мая над остатками Сен-Пьера пронеслась еще более сильная раскаленная туча, разрушая все, что еще частично сохранилось в городе.

Город с населением 43 тысячи человек в мгновение ока исчез с лица земли, чуть ли не две трети острова превратилось в кладбище.

Застывшая лава образовала над вулканом странный монумент, похожий на перст, высотой 400 метров, который разрушился только в 1903 году. Целый год этот природный обелиск напоминал людям о том, что место сие есть место гнева Божия, *«ибо открывается гнев Божий с неба на всякое нечестие и неправду человеков, подавляющих истину неправдою»* (Рим. 1, 18).

Однако вся европейская печать упорно замолчала подробности такого чудовищного события. Замалчивание о Мартинике означало, что масоны не могли допустить, чтобы человечество стало задумы-

ваться над значением явлений, возвещающих гнев Божий.

Масоны больше всего боятся пробуждения веры и благочестия, а потому обо всем, что ясно до очевидности говорит о небесном возмездии, замалчивают в своей прессе.

Христианские народы не должны были видеть, что ответом на святотатства богоборцев явилась гибель Сен-Пьера... Все эти грозные явления тонули в безбрежном море пустых сплетен и политической чепухи, наводняющих человечество, благодаря стараниям международной иудо-масонской печати.

Только от беглецов из Сен-Пьера, которых насчитывалось до 3 тысяч, можно было узнать о катастрофе и о том, что ей предшествовало.

28 декабря 1908 года миру стало известно о гибели города Мессины и еще 25 населенных пунктов в Италии. Одновременно с подземными толчками на страну обрушились ураганы, 15-метровая волна цунами, двигавшаяся со скоростью до 1000 км/ч, и ливневые дожди. Погибло 250 тыс. человек.

Причины те же – самое отвратительное святотатство, кощунство, магия, оккультизм, богоборчество, на которое громовым ответом послужило губительное землетрясение... И море, и недра земные сотрясаются от негодования при виде богопротивных деяний человеческих...

«Люди старые удивляются, с тревогой говорят, – пишет Архиепископ Никон, – что и природа-то стала как будто ныне не та, что лет 60–70 назад; тогда и дожди были благорастворенные и благовременные, а ныне или засуха беспощадная, или ненастье беспрерывное; тогда и урожаями Бог благо-

словлял, а ныне – то ненастье, то засуха, то саранча, то какие-то черви губят хлеб еще на нивах... “Да за что нас и миловать Господу Богу? – говорят старые умные люди. – Бездушная природа вопиет против беззаконий наших, против нераскаянности нашей. Будто последние времена настали”».

В настоящее время Мартиника является заморским департаментом Франции. Она стала владением Франции с середины XVII века, а современный статус страна получила в 1946 году и с 1974 года считается полноправным Французским Регионом. Управление осуществляется префектом, назначаемым Французской Республикой. В парламенте Франции Мартиника представлена тремя депутатами и двумя сенаторами. Органами местного самоуправления являются Генеральный совет в составе 45 членов и Региональный совет в составе 41 члена, избираемые на 6 лет путем прямого всеобщего голосования. Столица – Фор-де-Франс.

Население острова на 2005 год – около 377 000 человек. Большинство составляют негры и мулаты, потомки завезенных из Африки рабов (в XIX веке к ним прибавились выходцы из Южной Индии, китайцы, итальянцы). Официальным языком является французский, но разговорным остается креольский и местный диалект «патуа». 95% населения страны – католики. Одним из самых своих главных праздников жители острова считают событие, произошедшее 150 лет назад, 22 мая 1848 года – в этот день было отменено рабство. Помнят жители острова и о трагических днях 1902 года. К месту трагедии, к вулкану совершаются экскурсии.

В последнее время происходят особенно часто разрушительной силы смерчи, ураганы, землетрясе-

ния, цунами. 1300 тысяч человек – столько (по данным международной конфедерации организаций Красного Креста и Красного Полумесяца) погибших в 2004 году от природных катастроф. Случайны ли эти катастрофы, и только ли потеплением климата, колебаниями земной коры, завихрениями воздушных и водных течений они вызваны?

Все стихии жалуются на нас Богу, уже готовы исполнить повеление Божие, чтобы совершить суд Божий над нечестием людским. Но еще и еще ждет Всемиловитый Господь покаяния нашего, еще и еще дает нам отсрочку, грозными явлениями в природе призывая человечество образумиться, покаяться и вернуться к своему Творцу.